

Владимир Дэс

Бомб

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс
Боль (сборник)

«Автор»

Дэс В.

Боль (сборник) / В. Дэс — «Автор»,

В данный сборник вошли рассказы: 1. Боль 2. Взгляд женщины 3. Дорога 4. Запах 5. Ивана 6. Когда ты знаешь 7. Конфетка 8. Любовь как фактор слабоумия 9. Ненаписанное письмо 10. Одиночество 11. Песня 12. Поговорим о женщинах 13. Прости меня 14. Рука королевы 15. Сладость 16. Способ обольщения 17. Стрекоза 18. Суд в долине Кедрон 19. Ты первый об этом узнаешь 20. Человек без кожи 21. Я – мячик? 22. Я не люблю сестру

© Дэс В.

© Автор

Содержание

Боль	6
Взгляд женщины	8
Дорога	10
Запах	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Дэс

Боль (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Боль

В семнадцать лет, я прочитал рассказ Бунина «Митина любовь».

Как и его герой, я в это время был влюблен в прекрасную девушку чуть старше меня, причем любовь была взаимной. Я тогда очень сильно ругал Ивана Бунина за то, что он в конце рассказа застрелил Митю. Мне такая пафосная концовка казалась натянутой и фальшивой. «Любовь и смерть несовместимы! – смеялся я над писателем, ослепленный свое любовью.

Смеялся, пока сам не оказался в том же положении, в какое попал бунинский Митя.

Моя Света была симпатичной хохотушкой, и я был до безумия влюблен в нее.

Мы гуляли вечерами, смотрели на небо, на далекие мигающие звезды, и они казались нам близкими и родными.

Даже вечерний шум большого города с криками, скрипами и грохотом машин нас не раздражал, а радовал.

Все встречные были милы и симпатичны. А руки наши, когда мы шли рядом, сливались в одно целое, как будто был и не я и она, а какое-то единое, слиянное существо.

И говорили, перебивая друг друга. И не могли наговориться. Все, что мы говорили друг другу, казалось таким умным и юморным, что мы смеялись чуть ли не до упаду.

Ну, а когда в полумраке улиц осторожно выбирали и наконец находили неосвещенный подъезд, мы бесшумно ныряли в темноту под лестницу и там целовались до изнеможения.

До чего хорошо было жить! Сердце пело, хотелось делать добрые дела, писать стихи, помогать бабушкам, учить уроки, радовать родителей, а самое главное, все время грело сознание, что я люблю и любим.

Впервые в жизни я встретил человека милее и нужнее своей мамы. Это просто ошеломило, пьянило без вина.

Так продолжалось полгода.

А весной, в начале апреля, когда солнце стало ласковее, а льдинки тоньше, и гулять рука об руку стало еще приятнее и веселее, моя Света уехала с мамой к родственнице в Москву. По каким-то семейным делам, как я понял.

И тут вот у меня началось.

Мир потемнел.

Весна словно пропала.

Состояние у меня было, как у смертельно больного человека: внутри, в груди что-то жгло и давило, голова не думала ни о чем другом, только о Свете. Слава Богу, у меня была фотография моей любимой Светочки. Раньше она лежала в ящике письменного стола, а теперь перекочевала в карман рубашки – ближе к сердцу.

Но это была еще не боль. Я еще привычно ухмылялся, вспоминая бедного бунинского Митю, но ухмылялся уже, что называется без энтузиазма. Уже думалось порой: а может, в этом рассказе все правда, может, именно так бывает, когда любишь?

Но я гнал от себя эти мысли, и все ждал, когда же приедет Света.

Наконец она приехала.

Снова встречи, снова прогулки, подъезды. Казалось, осталось по-прежнему.

Но появилось и кое-что новое. В минуты наших долгих поцелуев она вдруг стала проявлять инициативы, которых раньше не бывало, которые вообще-то должен проявлять кавалер, то есть я.

Мне, конечно было приятно все, что она заставляла меня делать и делала сама, и поэтому за этой новой приятностью в наших отношениях я не обратил никакого внимания на явную

связь между поездкой в Москву и ее новыми инициативами в любви. Наоборот, в голове моей клубился туман счастья и благодушия.

Это теперь я понял: если в поведении человека, с которым у тебя долгое время были определенные отношения, друг появляется что-то новое – ищи причину.

Ибо ничто не появляется из ничего и не пропадает бесследно.

Но тогда я был молод и зелен, безумно влюблен, а значит, слеп. И потому никакой связи неожиданной раскрепощенности моей возлюбленной с ее поздкой в Москву я не искал. Да в то время я и помыслить не мог, что ее кто-то кроме меня мог чему-то научить в любовных играх. Хотя и сам в то время был слишком молод и абсолютно бестолков в делах любви. Так, поцелуи и вздохи. А Света...

В общем, летом Света опять уехала в Москву на все лето, поступать в МГУ.

При расставании мы обещали писать друг другу каждый день.

Плакали даже.

И всю ночь провели вместе.

Она уехала, а мне стало плохо.

От нее пришло письмо.

Потом пара открыток.

И еще одна, всего с парой строк.

И – все.

Я же писал ей каждый день.

А когда понял, что ни писем, ни открыток больше не придет, пытался звонить, посылал телеграммы. В ответ – молчание.

Полное молчание.

Мне стало страшно. Стало больно жить. Невыносимо больно.

И тут я вернулся к Бунину. К его рассказу «Митина любовь».

И его строки: «...она – эта боль была так сильна, так нестерпима...», – и вот тогда-то в те дни, в те минуты, эта строка вошла в мою душу, как нож в масло. Моя боль от любви, перемешанная с непонятным поведением любимой девушки, была точно такой же, как у Мити. Казалось, что она, заполняет все тело и даже пространство вокруг него. Я не мог не говорить, не слушать, не дышать, чтобы не думать о ней, о Свете. Чтобы пересилить эту боль, я пытался встречаться с другими девчонками, но все они казались мне какими-то пресными, даже отвратительными. Одна мысль о поцелуях и объятиях с ними приводила меня в состояние, близкое к бешенству. А боль в душе делалась нестерпимой, и на второй месяц моих мук я понял наконец, почему Митя не смог жить: боль, страдания по любимой убивали его вернее острого ножа. Как и у меня, эта боль была неизлечима, нестерпима, ужасна; любая физическая – ничто по сравнению с нею.

Я пытался резать себе пальцы, бился головой о стену, морил себя голодом. Все было напрасно. Ничего не помогало.

И я понял: есть только один способ избавиться от этой боли. Так же, как это сделал Митя. Да, именно так и только так.

Почему? Потому что тоска по любимой и боль по любви несовместимы с жизнью.

«Прощай, Светик!» – сказал я и шагнул за бунинским Митей туда же, куда ушел и он.

Взгляд женщины

Иногда, когда женщина думает, что за ней никто не наблюдает, приглядевшись, можно увидеть «этот» ее взгляд. Мне удалось это сделать. Увидеть. И даже расшифровать «этот» взгляд.

Он меня потряс.

Во-первых: этот взгляд – не что иное, как вселенская печать.

В этом взгляде суть и понятие главной тайны Вселенной, известной только им.

В этом взгляде все ответы на все вопросы мироздания, над которыми мужчины тысячелетия бьются, открывая законы, создавая теории и ломая свои головы.

А женщины уже все знают, им уже все известно. Но они тщательно скрывают свои знания от второй половины человечества, агрессивной, самолюбивой, самовлюбленной.

Все изобретено мужчинами. До всего додумали мужчины. Все построили мужчины.

Иллюзия.

Женщины создают. Мужчины разрушают. Хотя, кажется наоборот.

Кажется, что женщины слабы и глуповаты. Не видят перспектив.

Не стремятся в будущее.

Казаться такими – это не значит быть.

Но в этом и есть их секрет.

Во-вторых: мужчина – это не что иное, как навязанная необходимость.

Женщины просто терпят мужчин.

Любя терпят.

Ненавидя терпят. И не видя терпят.

В-третьих: в этом взгляде смирение.

Религию придумали мужчины, а создали женщины.

А православная религия вообще держится только на женщинах.

Они намного ближе к Богу, чем любой мужчина и даже священник.

В-четвертых: во взгляде – жертвенность.

Но не обреченная, а снисходительная.

Жертвенность сильного перед слабым.

Тонкая на грани фолла игра в уязвимость и готовность сдаться «врагу».

Но только игра. Не более.

Игра ради жертвенности. Жертвенность ради великой цели.

Жизни.

В пятых: во взгляде – обман.

Обман уже прощенный и оправданный самим Богом.

Обман всех и вся.

Обман ради одной единственной правды.

Правды Жизни.

Нет обмана только к своему ребенку.

В шестых: во взгляде спокойствие.

Чтобы вокруг не происходило все равно будет так.

А не иначе. По другому просто не должно быть.

И не потому что женщине так хочется, а потому что так нацелен наш мир.
Это их Вселенная.

В седьмых: во взгляде уверенность. Будущее, бессмертие и власть в их руках.
Это их поле. Это они решают. Они определяют, что, как и почему.
Они частица Бога.

Мужчина, не смотря на весь мировой этнос – вторичное существо.
Продукт естественного отбора природы, часть биосферы для существования женщин.
Не более. В итоге я понял, что женщинам с рождения известно, как, откуда и зачем произошло человеческое существо.
И что с ним будет.

Вот так случайно пойманный женский взгляд, расставил все по своим местам.
Стало понятно, почему так, а не по другому все устроено во Вселенной.
Кто такой я и где Бог.
И ничего придумывать и искать не надо.

Надо только один раз повнимательней присмотреться к взгляду женщины, которая с тобой рядом.

Дорога

Спасти моего ребенка можно было только Там.

И нигде больше.

Но единственная дорога туда была нелегкой, так как пролежала через пустыню миражей и соблазнов. Да и дорогой-то ее можно было назвать с большой натяжкой, так как состояла всего-навсего из одного рельса и ржавой Вагонки, закрепленной на нем.

Каким образом эта Вагонка держалась на этом рельсе и не падала, было непонятно никому, даже нашим заумным ученым.

И никакой иной транспорт, кроме этой Вагонки, не мог даже двигаться в той пустыне, не то что пересечь ее.

Моторы глохли, паруса падали, животные умирали.

И перелететь ее тоже было невозможно. Самолеты с вертолетами разбивались, а птицы туда просто не залетали.

Сам человек вне Вагонки в этой пустыне, состоящей из мелкого камня и жаркого обжигающего воздуха, не мог прожить и часа.

Поэтому пересечь пустыню можно было только в этой ржавой Вагонке по одному единственному рельсу, который прямой стрелой уходил Туда, где было всё, где исполнялись все желания рискнувших.

А мне надо было спасти моего больного ребенка.

Здесь у нас все было напрасно. Здесь от этой болезни вылечить не могли. А это означало скорую смерть. А какая мать может спокойно ждать смерти своего ребенка?

Поэтому надо было ехать. И ехать немедленно.

Одна я ни за что бы не решилась на это. Но с моим ребенком, за него, я готова была на все – на любую тяжкую меру и на любое испытание.

И, собрав всю информацию о всех пересечениях пустыни решила рискнуть.

Но эта Вагонка на рельсе стояла пустая и не востребованная уже очень давно. Даже заржавела. Люди неохотно и не очень часто пользовались ею, хотя у каждого были заветные мечты и желания.

Весь секрет этой удивительной невостребованности заключался в том, что Вагонка трогалась в путь через пустыню только в том случае, если в нее садились, а вернее вставляли (сидений не было), ровно, пятьдесят человек.

Наивно было думать, что желающих не было. Желающих были тысячи, даже миллионы. Поэтому казалось, что собрать для поездки каких-то пятьдесят человек проще простого. Но на деле это было самым сложным. Для того, чтобы Вагонка тронулась, эти пятьдесят человек должны были крепко взяться за руки и не разжимать их до конца пути.

Вагонка трогалась с места и с огромной скоростью мчалась сквозь пустыню, но только тогда, когда создавалась или, вернее, накапливалась энергия жизни пятидесяти человек, взявшихся за руки. Но стоило хотя бы одному человеку отпустить сжатую в ладони руку соседа, как Вагонка вставала намертво в любой точке пустыни. И затем возвращалась назад. Только уже медленно и нудно.

А пустыня она и есть пустыня. В ней долго находиться нельзя. Оттого через какое-то время Вагонка возвращалась с не солоно хлебавшими, полумертвыми (а случалось, что и с мертвыми) путешественниками.

Вот поэтому так сложно было найти сорок девять попутчиков в это жизненно необходимое и мне, и моему ребенку путешествие.

Но я решила рискнуть и сама стала собирать команду.

Я валялась в ногах, упрашивала, унижалась, пугала, лстила, лгала, плакала и выворачивалась наизнанку в желании заполучить новых спутников в заманчивое, но рискованное путешествие.

Но наконец я их собрала.

Все сорок девять.

Кого только среди них не было: профессор, убийца, вор, насильник, поэт, картежник, проститутка, по парочке лесбиянок и гомиков, две школьницы, шахтер, водитель трамвая, генерал, медсестра, спившаяся скрипачка, разорившийся банкир, висельник, сирота, многоженец, искатель кладов, космонавт, астроном, могильщик, министр, мать, потерявшая сына, секретарша, вахтер, милиционер, два военных младшего звена, штукатур, маляр и каменщик, три бабушки со своими великовозрастными внуками-наркоманами, дамский парикмахер, немой, косоглазый, безногий, бешеный и носатый, а также мой одинокий верный Друг, который сам предложил себя в попутчики, видя мои мучения.

И вот мы в Вагонке.

Взялись за руки.

Поднялся ветер.

Вагонка еще не тронулась, и мы смотрели, как ветер задувает тот единственный рельс, больше похожий на струну, чем на дорогу. Близкие и провожающие жались в кучки и с тоскливыми взглядами смотрели на нас, обреченных. Прохожие же бросали в нашу сторону иные взгляды, взгляды, полные алчности, злобы и зависти.

Вагонка пока еще стояла на месте, как бы проверяя наши рукопожатия и набирая какую-то ей одной известную критическую массу для пуска.

Наконец напряжение стало нарастать, и мы, поддаваясь ему, сжимали ладони все сильнее и сильнее. Только у двоих стоящих по краям цепочки: у меня и у моего Друга, осталось по одной свободной руке. Он крепко держался за поручень, а я держала на руке своего больного ребенка.

И вот Вагонка слегка качнулась, потом еще раз и вдруг стала стремительно набирать скорость – все быстрее и быстрее. Моментально скрылся за горизонтом наш мир, и вокруг потекла темно-коричневая сухая и безжизненная пустыня, тишину которой нарушал только ветер и скрип колес Вагонки о единственный рельс, припорошенный бегающим песком.

Все молча стояли и крутили головами, стараясь рассмотреть хотя бы что-нибудь, на чем можно было бы остановить взгляд, чтобы использовать это как причину для разговора с соседом. Ведь до этого путешествия большинство не были даже знакомы друг с другом. Но смотреть было не на что, только солнце, песок и слабый ветер, и люди молчали.

Я то и дело криком: «Руки!» напоминала всем о том основном, с помощью чего мы мчались через пустыню. Но, несмотря на это, часа через полтора мы все же остановились.

Сначала у Генерала что-то там зачесалось, и он отпустил руки Хирурга и Вора. Вагонка тут же встала, как вкопанная, сильно качнув всех вперед. Генерал, быстро почесав свое что-то, опять судорожно схватил соседские руки.

И нам всем пришлось сильно поволноваться, куда двинется Вагонка – вперед или назад. Вагонка двинулась вперед, но не сразу после соединения рук, а лишь постояв какое-то время, как бы набираясь нашей человеческой энергии. Но вот она со скрипом тронулась и опять помчала нас по пустыне. Мы все от рывка вперед плотной угрюмой массой качнулись назад. Но никто не сказал Генералу ни слова.

Прошло часа два.

Многие захотели пить и есть. Мой Друг, совершая акробатические «па», свободной рукой пытался накормить и напоить всех желающих, извивая змейкой цепочку наших попутчиков. Но тут Висельник захотел сам схватить кусок еды пожирнее и побольше. Схватить-то он схватил, но Вагонка опять тут же встала.

Висельник напугался, бросил свой жирный кусок и судорожно схватил руки соседей – Штукатура и Безногого.

На этот раз Вагонка простояла в два раза дольше, чем при первой остановке. Многие стали ругать и обзывать Висельника, а затем и друг друга.

Наконец Вагонка тронулась. И опять вперед, а не назад.

Все пятьдесят глубоко вздохнули, а затем глубоко выдохнули и, сцепившись покрепче за руки, снова помчались через пустыню.

Мой ребенок утомился и уснул на моей груди. И мы все тоже стали подремывать, стоя тесно прижавшись друг к другу.

Вдруг слева от Вагонки показался живописный зеленый остров. От него прямо веяло благодатью. Высокие фонтаны воды, вина и нефти били высоко в небо. Райские птицы перелетали с дерева на дерево, блестя на солнце своим золотым оперением. Бравые генералы и адмиралы отдавали нам честь, соблазнительные девушки возлежали на холмиках из драгоценных камней и тонких кружев.

Вся наша команда на мгновение замерла, словно пораженная током, и тут же все повернулись ко мне с немимым вопросом: «Что, уже приехали?»

– Нет, нет, я думаю, это только иллюзии наших желаний.

Друг мой добавил:

– Вы же видите, что наша Вагонка едет мимо.

И правда, наш единственный рельс вел нас мимо чудо-острова.

Нам поверили.

Никто не поддался на эту приманку и не отпустил руки соседа, чтобы сорваться в этот райский уголок в пустыне. Мы благополучно миновали этот остров наших желаний и иллюзий.

Вагонка мчалась дальше.

Близился полдень. Пустыня потихоньку закипала. Хотя наша скорость была приличной, ветра практически не чувствовалось. Запас воды у нас еще не кончился, но толку от нее было все меньше и меньше: вода тоже закипала. А пить горячую воду в страшную жару не совсем приятно и даже, я вам скажу, невозможно.

И когда мы уже, кажется, обезумели от желания испытать хоть глоток холодной воды, вдоль пути нашего следования стали вырастать горы полиэтиленовых упаковок с запотевшими бутылками ледяной воды.

Все попутчики тут же отпустили руки и, выпрыгнув из Вагонки, бросилась за водой. Но сколько бы они не хватали эту влагу жизни, в их руках оставался только песок и жаркий ветер пустыни.

Я осталась в Вагонке и даже не пыталась уговорить обманувшихся бросить это бесполезное занятие, хотя и мне, и моему ребенку, и моему Другу тоже очень хотелось пить, и мы тоже бы побежали за холодной водой, если бы не были точно уверены, что это всего лишь мираж, возникший от нашего сильнейшего желания напиться.

Через некоторое время те, что спрыгнули, набегавшись до изнеможения вокруг Вагонки за миражами, попадали без сил.

Мы с моим Другом спустились на жаркую поверхность пустыни и стали потихоньку уговаривать наших заблудших попутчиков вернуться на место.

Из последних сил сжались руки, и все замерли, опять гадая, в какую сторону тронется Вагонка на этот раз. Тронулась вперед, причем, на удивление, очень быстро.

Я, полухрипя, полушепча пересохшими губами, еще раз напомнила своим попутчикам то, о чем говорилось им в начале пути: чем ближе к цели, тем труднее нам будет, так как пустыня, чтобы не допустить нас к финишу, будет считывать наши желания и посылать их нам в виде миражей и иллюзий. Ведь пустыня живет за счет этого, без нас она мертва, а с пленниками – жива. Поэтому нам надо терпеть и держаться вместе. Потеря хотя бы одного

обрекает на смерть всех до единого. Если Вагонка встанет, а она встанет без энергии всех пятидесяти человек, мы все умрем в этой злобной и коварной среде. Сорок девять ее не стронут с места.

– Поняли? – спросила я попутчиков.

– Поняли, – закивали мне в ответ уставшие и измученные люди.

Еще часа два мы ехали спокойно. Только вздохи, слабые стоны и глухие проклятия в мой адрес раздавались в тишине.

Вдруг с криком: «Стоп!» подпрыгнул Кладоискатель, отпустив руки соседей.

Вагонка резко встала, больно ударив нас друг об друга.

– Стоп! Я приехал! Я вижу клад!

И он, подобрав с пола лопату, которую взял с собой в дорогу, спрыгнул и во весь дух помчался к горизонту.

Все это произошло так быстро и неожиданно, что никто не успел среагировать, даже я.

А Кладоискатель бежал и бежал. У самого горизонта он резко остановился и стал копать.

Я, отдав ребенка на руки Скрипачке, спрыгнула следом за ним.

Когда я подбежала, он уже закопал себя довольно глубоко. Я наклонилась к нему в яму и крикнула:

– Что ты делаешь?

– Откапываю клад, который искал всю свою жизнь. И вот, я его уже почти нашел. Ты же мне обещала, что я найду клад, если поеду с тобой. Еще чуть-чуть копну, и клад будет наконец у меня. Наконец-то я нашел его. Спасибо тебе! – кричал он мне.

Но никакого клада не было. Он просто все глубже и глубже закапывал себя в песок.

Подбежал мой Друг и тоже попытался вытащить его оттуда, но он делал такое злобное лицо и так угрожающе замахивался на него лопатой, что мы бросили эту затею.

Нечего делать. Мы сели рядом и стали ждать, когда же он успокоится. Но не тут-то было. Скоро даже взмахов его лопаты не стало видно. И вдруг стены ямы поползли и рухнули вниз.

Мы бросились спасать горе-кладоискателя. Но когда мы его откопали, он был уже мертв. Его душу забрала пустыня, оставив тело нам.

Прибежали остальные с Вагонки.

Все были в шоке.

Это погибель.

Смерть одного – это смерть остальных в нашей общей команде. Я сама об этом неоднократно говорила. От злости и безысходности стали пинать еще не остывшее тело кладоискателя. Потом все окружили меня.

– Что теперь делать, умирать?

– Не знаю, – сказала я. – Ничего не знаю. Делайте что хотите. Я вам все объяснила давно и сразу.

Кто-то плюнул мне в лицо.

Кто-то толкнул сзади. Я упала.

Кто-то пнул.

– Спасай ребенка, – крикнула я Другу, и он бросился к Вагонке.

Я поднялась на ноги.

– За что? – спросила я обидчиков, глядя им в глаза. – Я же вас всех предупреждала. Если хоть один погибнет, то погибнем все. Вы что, не помните?

– Мы все помним.

И, еще раз сбив меня с ног, они, объединившись в небольшие группы, решили идти самостоятельно.

– Стойте! – вдруг закричал мой Друг. Он стоял в Вагонке и держал высоко над собой моего плачущего ребенка. – Стойте! Вернитесь! Ребенок – он тоже человек, пусть даже и маленький! Нас снова пятьдесят!

Все остановились и, развернувшись, бросились обратно в Вагонку, которая потихоньку двинулась назад...

Снова взялись за руки. Но мой ребенок никак не хотел давать свою руку никому, кроме меня и моего Друга. Чтобы соединить нашу живую цепь, пришлось мне и моему Другу взять его за руки, замкнув тем самым круг. Никто и никогда, как знала я, не замыкал в круг цепь путешественников. И к тому же были сомнения, сможет ли мой больной ребенок заменить погибшего Кладоискателя.

Только мы соединили руки в замкнутую цепь, приготовившись ждать, что будет дальше, как Вагонка встала как вкопанная, остановив свое движение назад, неожиданно рванула вперед с невероятной скоростью, и мы буквально через несколько минут были у цели. Там, куда мы все так стремились.

Нас уже ждали.

О каждом из нас там всё знали.

Встречали цветами, улыбками, оркестрами.

Генералу присвоили маршала.

Висельнику отменили виселицу.

Конокраду подарили коней.

И пошло-поехало...

Мои попутчики стали расползаться, как тараканы, по своим мечтам и желаниям.

Меня и моего ребенка люди в белых халатах быстро усадили в машину «скорой помощи», и мы помчались в их клинику.

Прямо в машине моему малышу они поставили капельницу, ввели какие-то свои лекарства, и ему сразу стало легче.

И я поверила, что теперь его – мое сокровище, моего ребенка – спасут.

Я заплакала от счастья и от пережитого.

И только когда у меня прошла эта нечаянная истерика, я обратила внимание, что мой Друг по-прежнему рядом со мной.

«Почему он со мной? Он же тоже ехал за своей мечтой, за своим счастьем».

А он, перехватив мой взгляд, взглядом же мне и ответил:

– Да, я тоже ехал за счастьем, а мое счастье – это ты.

Запах

В тот миг, когда она появилась рядом со мной, я сделал вдох.
Я вдохнул, и она вместе со своим запахом вся так и вошла в меня. Вся без остатка.
Я ее еще не видел.
Но тело мое вздрогнуло и напряглось, как от удара молнии.
Голова затуманилась.
Я, как в замедленной киносъемке, повернулся в ее сторону.
Наши глаза встретились.
А все остальное было как не с нами. Вернее, не со мной.
Что я ей говорил? Куда вел?
Когда очнулся, рядом ее уже не было. Осталась лишь смятая постель.
Мои вещи, разбросанные по квартире. И ее запах – запах небесной свежести и чистоты.
Он был везде.
На подушках, простынях, полотенце, на мне самом – от кончика носа до кончиков пальцев на руках и ногах.
«Где? – метался я по квартире. – Где ты сама? Куда делась? Почему сбежала? Почему?»
Ни записки, ни одной забытой вещи.
Можно было подумать, что ее и не было здесь.
Я быстро оделся и выбежал на улицу.
Обежал дом.
Обследовал все закоулки квартала и близлежащие остановки трамваев, троллейбусов и автобусов.
Ее нигде не было.
В отчаянии я присел на скамейку.
Я не знал, кто она, откуда. Я даже не знал ее имени.
«А что, если я ее больше не увижу?» От этой ужасной мысли у меня заломило в висках.
Ничего не осталось от нее. Ни одной ниточки.
Но запах. У меня был ее запах.
Она оставила его мне.
Он со мной.
И я побежал назад в квартиру.
Я дышал, дышал и дышал.
Впитывал в себя ее запах, раз уж ее самой не было рядом. Я прямо слизывал его со всех предметов, которых касались ее руки, ее губы, бедра, ноги.
«Найду, – решил я. – Найду ее по запаху».
В квартире я собрал все, к чему она прикасалась, и сложил все это в отдельную секцию платяного шкафа, освободив его от всего лишнего. Сам я перестал умываться и менять белье и одежду.
И теперь, когда я носился по городу, как оглашенный, в поисках моей исчезнувшей женщины, она была всегда со мной.
Кажется, каждая клеточка моего тела впитала ее запах.
Я постоянно его ощущал.
Ее запах как бы материализовался и стал одушевленным предметом.
Пробежав так безрезультатно несколько дней по городу, по всем предполагаемым местам, я вдруг неожиданно почувствовал, что начинаю терять ее запах. Что он постепенно исчезает.
Когда я осознал это, страх сковал меня всего с головы до ног.
Я бросился домой.

Закрыв все форточки. Закупорил газовую вытяжку на кухне. Перекрыв воду.
Я не смог найти девушку, но я решил сохранить ее запах в квартире.

Из шкафа я вытащил назад простыни, наволочки, разложил вещи, к которым она прикасалась, по своим местам.

Целыми днями я ходил из угла в угол. Брал вещи, гладил их руками и нюхал, нюхал, нюхал. Походив, ложился раздетым в постель, укутывался в простыни и упивался ее запахом.

Вставал. Опять ходил.

Опять ложился.

Опять вставал.

Мысли мои были безумны.

Но даже в этом безумии я понимал, что запах исчезает. И когда-нибудь он все же исчезнет. Навсегда.

Исчезнет, исчезнет, исчезнет...

Что мне делать? Я метался по комнате, как зверь, запертый в клетке.

Я понимал, что мне надо выйти и продолжить ее поиск.

И в то же время я понимал, что если выйду, то запах ее может исчезнуть... Исчезнуть очень быстро, буквально через несколько часов.

Или минут.

Или секунд.

Или моментально. В один миг.

И тогда я не найду ее никогда.

И тогда я потеряю ее навсегда.

У меня исчезнет сама возможность опознать ее.

От этих мыслей я стал близок к самоубийству.

И когда я уже решил, что все, надо умирать, умирать вместе с ее запахом, в дверь позвонили.

Я дошел, спотыкаясь, до двери.

Посмотрел в глазок.

Там стояла женщина.

Я резко распахнул дверь.

Она.

Это была она.

– Ты? – спросил я ее.

– Я. Я пришла за своим запахом.

– Проходи, – хитро сказал ей я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.